

Пинковский В. И. Антони Дешан-элегик в контексте национальной поэзии / В. И. Пинковский // Научный диалог. — 2019. — № 11. — С. 186—198. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-186-198.

Pinkovsky, V. I. (2019). Antony Deschamps — Elegiac Poet in the Context of National Poetry. *Nauchnyi dialog*, 11: 186-198. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-186-198. (In Russ.).

УДК 821.133.1Deschamps.07+82-1

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-186-198

АНТОНИ ДЕШАН-ЭЛЕГИК В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЭЗИИ

© Пинковский Виталий Иванович (2019), orcid.org/0000-0002-8699-3570, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный государственный университет» (Магадан, Россия), alennart@mail.ru.

Рассматривается вопрос о месте, которое занимает в истории французской поэзии творчество Антони Дешана (Antony Deschamps, 1800—1869), почти забытого уже в конце XIX века поэта-романтика. В связи с поставленным вопросом автор статьи обращается к жанру элегии, ведущему в творчестве Дешана и в романтической лирике в целом. Устанавливается значение поэта в контексте истории французской элегии. Актуальность такого подхода определяется тем, что жанровому аспекту литературной истории во французском литературоведении XX — начала XXI веков уделяется недостаточно внимания, что сказывается на полноте понимания значимости тех писателей, заслуги которых связаны с жанровой сферой. Поскольку в романтической элегии очень важен фактор личностного (а не априорно заданного жанрового) лиризма, в статье представлен очерк характера А. Дешана и мнения о нём современников. Анализ дешановских элегий, сопоставление их с исторически предшествующими образами жанра позволяет прийти к выводу о том, что Дешан, в отличие от поэтов XVIII — начала XIX столетий, не создал устойчивой элегической модели, подобной, например, ламартиновской элегии, а напротив — воплотил в жизнь романтический принцип творческой свободы. Во многом благодаря таким авторам, не слишком заметным, избегающим громких деклараций и радикальных поступков, осуществилась важная работа по превращению жёстко регламентированной жанровыми нормами поэзии в современную лирику с её множеством форм, отвечающих потребности гибкого воплощения разнообразных индивидуальных чувств.

Ключевые слова: Антони Дешан; французская поэзия 1820—1830-х годов; кладбищенская элегия; эротическая элегия; героида; национальная элегия; ламартиновская элегия; «свободная» элегия; личностная поэзия.

1. Введение

Современная оценка творчества Антони Дешана (Antony Deschamps, 1800—1869), сформировавшаяся ещё в XIX веке, сводится к признанию его заслуг как переводчика, а также поэта страданий, но не даёт ответа на вопрос: в чём именно заключается значение этого автора и — шире — подобных ему для французской поэзии? В значительной степени дополненное и уточнённое понимание роли А. Дешана в литературной истории может быть достигнуто при обращении к главному жанру А. Дешана — элегии (около ста текстов), — потому что элегия для романтизма чрезвычайно важна. В аспекте истории лирических жанров романтизм может быть охарактеризован как направление, в котором элегия не только играет одну из ведущих ролей (это было и в сентиментализме, и в предромантизме), но и в значительной степени является основанием для лирики вообще, потеснив в выполнении этой функции оду и идиллию. Ж. Амбер, создавший, вероятно, первый исторический об-

зор французской элегии, вышедший ещё до главного её триумфа в романтической поэзии — сборника А. де Ламартина «Поэтические размышления» (1820), задаётся вопросом, который, по признанию автора, он не в состоянии разрешить: «Почему элегия культивируется с таким усердием, даже со страстью толпами поэтов вот уже сорок лет, в то время как за то же время не появилось ни одного сборника пасторалей или эклог, достойных того, чтобы быть упомянутыми?» [Humbert, 1819, p. 60]. (Перевод французских текстов здесь и далее наш. — В. П.).

Актуальность обозначенной цели определяется как необходимостью корректно вписать А. Дешана в историю национальной поэзии, так и недостаточной во французском литературоведении XX — начала XXI веков жанрологической интентией (в последние десятилетия лишь 6 % исследований затрагивают жанровую проблематику [La traverse ..., 2004, p. 57]), что препятствует адекватному представлению о процессах, происходивших в одной из крупнейших литератур Европы.

2. Личность А. Дешана

В романтизме, как известно, большое внимание уделяется оригинальности личности, её выделенности на фоне других, особенно если речь идёт о человеке искусства. Даже болезнь, физические недостатки, несчастья, поскольку они выводят жизнь человека из некоего усреднённого течения «как у всех», могут служить этой цели. В романе друга А. Дешана и одного из значительнейших поэтов-романтиков А. де Виньи «Стелло, или Голубые бесы» утверждается: *Le Poète a une malédiction sur sa vie...* (Над жизнью поэта тяготеет проклятье ...) [De Vigny, 1832, p. 426]. Один из героев романа, поэт Никола Жильбер, проявляет «полусумасшествие» (*demi-folie*), причём некоторыми чертами напоминающее недуг А. Дешана (об этом ниже): *Я не ел вчера и утром <...> но смеюсь над этим, потому что никогда не испытываю голода ...* [Ibid., p. 48]. (Эмпирический Н. Жильбер (1750—1780) не был душевнобольным, но его широко известная строка *Au banquet de la vie, infortune convive ...* (На жизненном пиру обойдённый гость...) [Gilbert, 1882, p. 96], созданный поэтом образ лирического героя, гонимого врагами, ранняя смерть (от несчастного случая, а не от козней недоброжелателей) способствовали созданию биографической легенды, чрезвычайно популярной у романтиков и дополненной в романе А. де Виньи мотивом «высокого безумия»).

А. Дешан неизменно упоминается в повествованиях о литературе 1820-х годов, потому что входил вместе со своим более известным старшим братом Эмилем в кружок (Le Cénacle) романтиков «первого призыва», собиравшийся у Ш. Нодье. Поэт стал известен сначала благодаря переводу нескольких песен «Божественной комедии» Данте (1829), лишь потом — оригинальными стихами (сборники «Dernières paroles» (1835) — книга, «наделавшая много шума», по словам Дешана-старшего [Deschamps, 1835, p. 59], и «Résignation» (1839); первая из названных книг была в библиотеке А. С. Пушкина). В последние тридцать лет своей жизни поэт практически ничего не писал. Вероятно, одной из причин молчания являлось психическое заболевание (Ф. Грег определяет А. Дешана как поэта «болезни и безнадёжности» [Grehg, 1933, p. 8]).

Душевное расстройство А. Дешана проявлялось периодически, им сознавалось и приводило поэта в лечебницу, в которой и были созданы упомянутые выше стихот-

ворные сборники. Болезнь, не представлявшая опасности для окружающих, выражалась в крайней рассеянности и утрате памяти, когда больной забывал одеться и, рискуя здоровьем и даже жизнью, принять пищу и питье [Mauzin, 1887, p. 21]. Во всём остальном интеллектуальные способности сохранялись, современники констатируют неизменную ясность ума и богатство воображения Дешана [Marsan, 1909, p. 70].

Важно отметить, что в отношении А. Дешана к собственной болезни проявлялось и вполне понятное огорчение нездоровьем, и сугубо романтическое приращение своему состоянию некоего таинственного смысла. С одной стороны, поэт сетовал на то, что некоторые старые знакомые, увидев его издали, переходят на другую сторону улицы, чтобы избежать встречи («Они уверены, что я сумасшедший. Они боятся!»); с другой стороны, утверждал: «Я перевёл “Ад” Данте и не сомневался, что меня ждало после этого наказание (supplice) в “сумрачном лесу” (forêt obscure) жизни» [Claretie, 1904, p. 2]. Нет такого надуманного сюжета, для которого долгая жизнь не предоставила бы хоть какой-нибудь материал; так произошло и с верой Дешана в неизбежность некоего возмездия со стороны ада: по случайному совпадению во время отпевания поэта заупокойная секвенция «Dies irae» была прервана самым нелепым образом (священник решил сделать несколько объявлений, касающихся текущих дел прихода), и траурная торжественность службы оказалась разрушена [Boutier, 1869, p. 1].

Бывает, что творчество заслоняет фигуру творца, которого воспринимают сквозь призму созданных им произведений. Но бывает и обратное, когда на первый план выдвигается личность поэта. Это, похоже, произошло с А. Дешаном, потому что его натура, его жизнь укладываются в один из романтических шаблонов, а поэзия — нет.

3. Антони Дешан в зеркале критики

Критика в целом была к поэту умеренно благосклонна. Это видно и по жанрам материалов о поэте, и по их объёму: в отличие от старшего брата Эмиля, которому посвящались даже книги [Girard, 1921, Mirecourt, 1859], редкие упоминания о Дешане-младшем (обзоры, рецензии, заметки) разбросаны по разномастным периодическим изданиям XIX века, по большей части давно уже несуществующим. В «историях литературы», энциклопедиях и других справочниках, как правило, встречается имя Эмиля, а не Антони. Так обстоит дело как во французском [Darcos, 2013, p. 264], так и в российском литературоведении [История ..., 1989, с. 153]. Лишь немногие современники поэта оценивают его творчество высоко: «подлинный поэт и великая душа» (А. Франс) [France, 1868, p. 142]; «репутация Антони <...> не на высоте его достоинств <...> его место — среди наиболее выдающихся поэтов-современников; будущее признает его классиком» (Ш. Асселино) [Asselineau, 1866, p. 109].

Правда, в подобных высказываниях часто встречается одна парадоксальная особенность: авторы хвалебных аттестаций А. Дешана неосознанно противоречат своей позиции на практике: Ш. Асселино, перечисляя в заглавии процитированной выше книги, имена наиболее заметных писателей своего века, не включает поэта в этот перечень; автор уникальной многотомной «Истории французской поэзии» Р. Сабатье, посвятив старшему из братьев, Эмилю, в четыре раза больше текста, чем младшему, тем не менее заключает: «Другой Дешан, Антони, более интересен,

чем его старший брат. В стихах этого человека <...> странный, тревожный тон; некоторые фрагменты отличаются настоящей мощью» [Sabatier, 1976, p. 300].

Наиболее основательный разбор поэзии А. Дешана был опубликован А. Блазом в «*Revue des deux mondes*» ещё в 1841 году, и позже к творчеству поэта с таким же вниманием не обращался никто: буквально через два десятилетия после смерти Дешан числится не просто среди забытых, а «среди наиболее забытых (*parmi les plus oubliés*)» поэтов столетия [Rod, 1894, p. 1]. А. Блаз основное внимание уделяет стилю Дешана, находя его «нервным, удивительно бесхитростным, неправдоподобно простым, лаконичным до скупости» [Blaze, 1841, p. 562]. В основных чертах так воспринимали стиль поэта и другие критики (ср: «Тирады, рассчитанные “на эффект”, не нравились ему, даже у Виктора Гюго <...> Его идеал в искусстве — безыскусность» [Foucher, 1873, p. 428]).

Наиболее удачно, по мнению критика «*Revue des deux mondes*», Дешан воплощает тему страданий от болезни: «Заставляя звучать эту струну, он возвышается до неотразимого воздействия; его печаль трогает вас, проникает в вашу душу. Это прекрасно, потому что правдиво и глубоко прочувствовано» [Blaze, 1841, p. 563]. На этом критик останавливается. Вопросы о том, что значит описанная особенность стиля, с чем она соотносится, какое место в истории французской поэзии позволяет занять А. Дешану, кроме воплощения темы мучений больного человека, не только не решаются, но даже не ставятся (это и невозможно было на современном автору этапе развития науки о литературе), но отметим, что А. Блаз рассуждает как «стихийный компаративист», точно указав ряд черт, которые выделяют А. Дешана среди поэтов-современников.

4. Развитие французской элегии в XVIII — первой половине XIX веков

Понять, в чём заключается оригинальность А. Дешана-элегика, невозможно без краткого обращения к истории элегии во Франции. Примерно до середины XVIII века положение элегии среди других жанров было более чем скромным, к ней по большей части обращались поэты «не первого ряда в парнасской иерархии» [Chaudon, 1772, p. 198]. Возможно, поэтому аббат Ш. Батте, один из влиятельных критиков эпохи, грустно констатирует невысокое качество французских элегий своего времени (1775), обвиняя их в полярных недостатках: одни — в «пресности», другие — в излишней «пряности» [Batteux, 1967, p. 291]. Трудно понять, о чём конкретно идёт речь, потому что к последней трети столетия сложилось три основных разновидности элегии: «кладбищенская», эротическая, героиды.

Для первой из них, возникшей в 60-е годы XVIII века как подражание английским образцам («Жалоба, или Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии» Э. Юнга и «Элегия, написанная на сельском кладбище» Т. Грея), характерны меланхолическая тональность и ряд устойчивых мотивов: скорбность человеческого удела, тщета любых устремлений перед лицом смерти и других.

Эротическая элегия XVIII столетия, подобно «кладбищенской», представляла собой устойчивое образование с повторяющимися мотивами, образами, словесными клише, призванными воплощать лёгкое, игривое отношение к любовному

чувству, характерное для этого элегического поджанра (исключение — некоторые стихотворения Э. Парни).

Наконец, героида — жанр, образованный под влиянием посланий мифологических героев друг другу Овидия. Относясь по своей сути к ролевой лирике, героида является наиболее деиндивидуализированным типом элегии XVIII века. Она требует, по словам Л.-М. Шодона, «много пыла в душе и в воображении (*beaucoup de chaleur dans l'âme et dans l'imagination*)»; в пример критик ставит произведения Ш.-П. Колардо, «полные огня», «блистательные и патетичные» [Chaudon, 1772, p. 198].

Строго говоря, эти похвалы противоречат тому, что принято было считать достоинствами элегии — жанра, отличающегося «сдержанностью в проявлении чувств» и «стилистической умеренностью» [La Croix, 1675, p. 74]. И всё же эта характеристика героиды, больше подходящая оде, не случайна. К элегии, выдвигающейся в первый ряд лирических жанров, по инерции применяют аттестации главного лирического жанра XVII—XVIII и отчасти XIX веков — оды. В последней трети XVIII века происходит не только сближение этих жанров, но временами даже смешение их: процитированное выше стихотворение Н. Жильбера, с его жалобой на обделённость в жизни, с мотивом предчувствия смерти, с образом собственной могилы, на которую *никто не придёт проливать слёзы* (*nul ne viendra verser des pleurs*), классифицируется самим автором как ода. Известное стихотворение А. де Шенье «Юная пленница» с его характерным элегическим содержанием и соответствующим словарём (*ennui* — тоска, *pleurer* — плакать, *la mort* — смерть, *les jours amers* — горестные дни), с рефреном *Я ещё не хочу умирать* определяется поэтом тоже как ода [Chenier, 1819, pp. 216—218].

В доромантическую эпоху (ранняя Реставрация) обозначенная тенденция воплотилась ярче всего в жанре «национальной элегии», созданном по образцу «мессенских элегий» К. Делавина, которые были, по сути, одами с политической тематикой, трактуемой отчасти в элегическом ключе (у Делавина это — поражение под Ватерлоо, национальное унижение поверженной и оккупированной Франции и т. п.).

Из крупных элегических явлений, близких по времени к началу творческой деятельности А. Дешана, нельзя обойти вниманием поэзию А. де Ламартина, который создал свою модель элегии, с узнаваемым разочарованным лирическим героем, с медитативной атмосферой, модель, держащуюся на «меланхолических аксиомах» [Вяземский, 1879, с. 133—134].

А. Дешан остался вне влияния перечисленных разновидностей элегии, в том числе современных ему и остромодных. Поэт вспоминает типичные пристрастия друзей юности, которые, похоже, вовсе не разделяются им, ностальгирующим более по самой атмосфере молодых сборищ: *Самые юные восхищались Байроном и Ламартином <...> / Другие <...> остужали этот жар холодным рассудком / И умели постоянно извлечь из своей памяти / Какую-нибудь новую историю о Вольтере и Лёкане <...> / Я <...> молчал, внимая мудрым словам, / Что разливалось волнами из красноречивых уст ...* [Deschamps, 1837, pp. 287—288]. Каких-либо прозаических объяснений своего равнодушия к авторам, которыми восхищалась вся Европа, поэт не оставил: он вообще был далёк от теоретизирования.

5. Элегии А. Дешана

Элегии А. Дешана отличаются прежде всего тем, что не принадлежат к какой-нибудь одной жанровой модели. Среди них можно выделить, отдавая себе отчёт в нестрогости таких наименований, элегии-сетования, элегии-воспоминания, элегии-размышления, элегии-зарисовки, элегии-обращения и произведения, в которых комбинируются элементы перечисленных «поджанров». Неканоничность дешановской элегии позволяет определить её как с в о б о д н у ю.

В отсутствие константных формальных и содержательных (образные и мотивные клише) элементов объединяющей основой элегических текстов Дешана служит образ очень близкого к эмпирическому поэту лирического героя — человека, испытывающего не какое-то абстрактное страдание, вызванное расплывчато понимаемым «несовершенством мира», но вполне конкретное, имеющее причиной непридуманную болезнь автора, детали которой тоже становятся материалом поэзии. Неподражаемость дешановских элегий укрепляют впечатление искренности поэта, вызывают сопереживание и сейчас, в отличие от многих романтических шаблонно-страстных сетований:

*Depuis longtemps je suis entre deux ennemis,
L'un s'appelle la Mort, et l'autre la Folie;
L'un m'a pris ma raison, l'autre prendra ma vie...
Et moi, sans murmurer, je suis calme et soumis!* [Deschamps, 1837, p. 273].

(Долгое время я живу меж двух бед, / Одна из них — Смерть, другая — Безумие. / Безумие забрало мой разум, Смерть возьмёт мою жизнь ... / А я безропотно молчу и покоряюсь!);

*... Depuis quatre ans je meurs d'une lente agonie;
Car tout excès, hélas! doit s'expier ici...
Ainsi qu'un animal je vivrai pour manger;
Et la brute avec moi ne voudra pas changer;
Car elle a ses petits à nourrir au repaire,
Et je n'ai que moi seul à nourrir sur la terre!
Encore ce n'est pas moi qui peux prendre ce soin,
Et je me laisserais dépérir de besoin:
Car lorsqu'un homme est pris de cette maladie,
Il perd jusqu'à l'instinct de conserver sa vie;
Et si quelque valet ne venait pas enfin,
Il mourrait, je le jure, ou de froid ou de faim* [Deschamps, 1837, Pp. 292—293].

(Четыре года длится моя медленная агония, / Так как всякое излишество — увы! — должно быть искуплено здесь ... / Итак, подобно животному я буду жить, чтобы есть, / Но животное не захочет поменяться со мною местами, / Потому что у него есть детёныши, которых нужно кормить, / А мне на целом свете некого кормить, кроме себя одного, / Да и эта забота мне не по силам, / И я зачах бы от неудовлетворения своих потребностей, / Потому что, когда человек охвачен этой болезнью, / Он теряет инстинкт самосохранения, / И если кто-нибудь не придёт,

чтобы служить ему, / То этот человек может умереть, я клянусь, или от холода, или от голода.).

Элегическому герою А. Дешана свойственна противоречивость; как библейский Иов, он и верует в Бога, в спасительность его действий для души, и не может удержаться от ропота на свой удел: *Увы! Господи, мой Боже, что я сделал Тебе? / Такая мука за какое моё злодеяние (forfait)?* [Deschamps, 1839, p. 47]; благодарность Творцу за утешение и жалобы на судьбу порой парадоксально соединяются в одном тексте, как в этом, где сталкиваются одическое (хвалебный гимн) и элегическое начала:

Dieu qui m'a délivré du terrible fléau!

Béni, trois fois béni...

Et rachète celui qui croit en ta parole.

Si la plainte fut longue, en mon affreux destin,

Ah! le remerciement, mon Dieu! sera sans fin!

... Tout homme a son ange gardien;

Et moi je suis maudit, car je n'ai pas le mien! [Deschamps, 1837, p. 298].

(Господь, избавивший меня от ужасной беды! / Благословен, трижды благословен ... / И даруй искупление верующему в твоё слово. / Если плач был долгов в моей ужасной судьбе, / Благодарность, мой Боже, будет бесконечна! / ... Всякий человек имеет ангела-хранителя; / А я, я проклят, потому что его нет у меня!).

Иногда место религии в качестве духовной опоры занимает человеческая доброта, которая благословляется так же, как и Бог:

Hommes, femmes, enfants, ici je vous unis;

Vous m'avez consolé, soyez donc tous bénis ... [Deschamps, 1839, p. 133].

(Мужчины, женщины, дети, я вас объединяю здесь; / Вы утешили меня, будьте же все благословенны ...).

Однако поэт признаётся, что сам может следовать образцам добродетели только в словах:

J'aime, je sens le bien, je le conseille aux autres,

Je vais partout prêchant comme les saintes apôtres;

Et quand je veux agir, je suis faible, abattu,

Et je sens mon cœur froid, et mort à la vertu [Deschamps, 1839, p. 111].

(Я люблю, я чувствую добро, я его рекомендую другим, / Я иду, всюду проповедуя, как святые апостолы, / Но когда я хочу действовать, я слаб и уныл, / И я ощущаю мое сердце холодным и мертвым для добродетели).

В связи с этим признанием в стихотворении логично возникает образ слепца, несущего факел, то есть дарующего свет, но остающегося во мраке: *Quand un aveugle tient un flambeau devant lui, / Il porte la lumière, et reste dans la nuit* [Ibid.]. Понятно, что это не может быть пророк (не осознающий свою миссию «божественный посланник» немислим), но вполне может быть поэт. К уже названным опорам души (религия и человеческое участие) добавляется третья — поэзия, — чтобы стать главной, компенсирующей бессилие двух первых:

O sainte poésie! honneur, honneur à toi!

Car, dans ce siècle mort et d'amour et de foi ...

*Toi seule sur la terre, en ce lieu corrompu,
Tu crois à la justice, au bien, à la vertu ...* [Deschamps, 1839, Pp. 73—74].

(О святая поэзия! честь, честь тебе! / Потому что в этом веке, мёртвом для любви и веры ... / Ты одна на земле, в этой юдоли разврата, / Веришь в справедливость, в добро, в целомудрие ...).

Такое отношение к поэзии многое объясняет в творчестве Дешана. Если поэзия — в основном лекарство от душевного недуга, то становится понятным, почему начало оригинального творчества поэта практически совпадает с началом его болезни. А. Блаз полагал, что младший Дешан стал поэтом случайно («par hasard») и оставался всю жизнь дилетантом (и в устаревшем для нас смысле, то есть любителем итальянской музыки, и в актуальном — он был «непрофессионалом») [Blaze, 1841, p. 560]. Это определение, с которым трудно не согласиться, объясняет, кроме прочего, почему творчество больного поэта, начавшись так поздно, завершилось так рано. Вероятно, А. Дешан в какой-то момент мог счесть целительный ресурс своей поэзии истощившимся, а «любительство» не заставляло его «творить до последнего вздоха».

Дилетантство, вопреки распространённому представлению, не означает непременно бесталанность, но вот непричастность к профессиональной среде, к её системности означает всегда. Отсюда — необязательность досконального знания и соблюдения норм и традиций этой среды. Если обратиться к аналогам дешановского творчества, то это будет как раз деятельность внесистемных поэтов, которые остаются чужды доминирующим тенденциям в литературе своей эпохи и, кроме того, в основном творят вопреки словам Аристотеля о том, что «поэзия говорит более об общем, история — о единичном» [Аристотель, 1989, с. 356], или дублирующим это положение словам Т. С. Элиота о том, что «поэт примечателен и интересен отнюдь не личными своими эмоциями, вызванными частными событиями его жизни» [Элиот, 1997, с. 165].

Это, например, аббат Д. Санген де Сен-Павен (ок. 1600—1670), писавший так, как будто в его время не было никакого классицизма, наполнявший свои стихотворные письма (*les lettres*) подробностями личных переживаний по поводам, известным только адресату [Sanguin de Saint-Pavin, 1861]. Это отчасти Л. Рамон де Карбоньер (1753—1827) — учёный-натуралист, сообщаящий в одной из своих элегий [Ramond de Carbonnières, 1791, p. 27] о том, как он выбирал жизненный путь, как любил изучать алгебру, химию и астрономию, то есть всё то, что относится, по аристотелевской классификации, к «истории», в данном случае — к конкретной биографии. В значительной степени внесистемным элегиком предстаёт А. Шенье в цикле «Ямбы», написанном в тюрьме в ожидании казни (показательно, что почти не публиковавшийся Шенье фактически стоял в стороне от современной ему литературной жизни; это особенно заметно по контрасту с деятельностью брата поэта — М.-Ж. Шенье, без преувеличения занимавшего место официального «певца революции»). Из известных современников А. Дешана (младших) таковыми можно назвать «проклятых поэтов» (*Les Poètes maudits*), если рассматривать их в аспекте творческого, а не поведенчески-бытового нонконформизма, совершенно чуждого Дешану.

Примеры можно продолжить, но важнее отметить общую особенность подобных авторов, различающихся степенью талантливости, известности, живших

в разные эпохи: это поэты, которые могли бы повторить вслед за А. де Ламартином слова о работе над сделавшим его знаменитостью сборником «Поэтические размышления» (1820): «Я больше никому не подражал, я выражал свою натуру для себя самого» [Lamartine, 1922, p. 365]. (По иронии обстоятельств, Ламартин вовсе не был в такой степени творчески свободным, а являлся представителем «системы», создавшим последний во французской поэзии устойчивый тип элегии и испытывавшим влияния как общеевропейские — от Э. Юнга до Дж. Байрона, так и национальные — от Э. Парни до Ш. Мильвуа; именно традиционность, несколько подновлённая, позволила поэту так легко найти понимание у публики.).

Творческая установка на откровенность выражения своей натуры неизбежно приводит к фиксации в стихах мимолётных переживаний, к изображению или упоминанию незначительных событий жизни пишущего (оборотная сторона поэтической искренности, ибо нельзя быть искренним выборочно, по особым случаям); в наиболее радикальном виде это оборачивается герметизмом текстов, что характерно для многих произведений А. Рембо и С. Малларме. А. Дешан даёт пример творчества, никогда не разлучающегося с ясностью смысла, образец лично окрашенной поэзии, которая не перегружена «биографическими» мелочами до степени, когда она была бы интересна только родственно-дружескому окружению автора.

6. Заключение

Творчество А. Дешана и типологически близких ему авторов создаёт нечто вроде зоны жанровой свободы, в которой сохраняется элегическая интенция, но отсутствуют канонические жанровые формы и соответствующие им жанровые герои, поэтому подражать А. Дешану невозможно: чтобы писать в духе этого поэта, нужно им быть и — мало того — смотреть на поэзию как на средство врачевания души, как на аккомпанемент жизненных ситуаций вполне определённого человека.

В творчестве Дешана создаётся разновидность лирического стихотворения, предназначенного не для воплощения некоего априорно предписанного, «типového» содержания, но для отражения размышлений и переживаний конкретной личности. Именно такая устремлённость — к всё большей индивидуализации выражения — доминирует в поэзии второй половины XIX — XX веков.

Для французской поэзии, с её запоздалым романтизмом (не ранее 20-х годов XIX века), с засильем в ней классицистических реликтов (например, поэм-эпопей в романтическую эпоху), с причудливым смешением даже в таком авангардистском течении, как сюрреализм (поэтический), стремления к неограниченной свободе и — нормативности, деятельность поэтов дешановского типа, обеспечивавших непобедимое массовое распространение свободной личностной поэзии, направленной на правдивое отражение жизни души, трудно переоценить.

Источники

1. *Deschamps A. A. M. Alphonse Pépin / A. Deschamps // Résignation, poésies.* — Paris : Crapélet, 1839. — P. 133.

2. *Deschamps A.* A. M. Ronna / A. Deschamps // *Résignation, poésies.* — Paris : Crapelet, 1839. — P. 111.
3. *Deschamps A.* Camoëns, Camoëns, illustre Portugais! / A. Deschamps // *Résignation, poésies.* — Paris : Crapelet, 1839. — Pp. 73—74.
4. *Deschamps A.* Élégie III. Sonnet / A. Deschamps // *Poésies d'Antony Deschamps, traduction de Dante Alighieri. Les Dernières paroles.* — Bruxelles : E. Laurent, 1837. — P. 273.
5. *Deschamps A.* Élégie XIX / A. Deschamps // *Poésies d'Antony Deschamps, traduction de Dante Alighieri. Les Dernières paroles.* — Bruxelles : E. Laurent, 1837. — Pp. 287—288.
6. *Deschamps A.* Élégie XXII / A. Deschamps // *Poésies d'Antony Deschamps, traduction de Dante Alighieri. Les Dernières paroles.* — Bruxelles : E. Laurent, 1837. — P. 298.
7. *Deschamps A.* Élégie XXIV / A. Deschamps // *Poésies d'Antony Deschamps, traduction de Dante Alighieri. Les Dernières paroles.* — Bruxelles : E. Laurent, 1837. — Pp. 291—293.
8. *Deschamps A.* Souvenez-vous du roi David, ô mon Seigneur ... / A. Deschamps // *Résignation, poésies.* — Paris : Crapelet, 1839. — P. 47.
9. *Deschamps É.* Troisième lettre sur la musique / É. Deschamps // *Le Mercure de France.* — 15 mai 1835. — Pp. 56—59.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристотель.* Об искусстве поэзии / Аристотель // *Античная литература.* Греция. Антология. Ч. 2. / Составители Н. А. Фёдоров, В. И. Мирошенкова. — Москва : Высшая школа, 1989. — С. 347—364.
2. *Вяземский П. А.* О Ламартине и современной французской поэзии / П. А. Вяземский // *Полное собрание сочинений* : Т. 1—12. Т. 2. — Санкт-Петербург : Изд-во С. Д. Шереметева, 1879. — С. 133—138.
3. *История всемирной литературы* : 9 т. — Т. 6. — Москва : Наука, 1989. — 880 с.
4. *Элиот Т. С.* Традиция и индивидуальный талант / Т. С. Элиот // *Назначение поэзии.* — Киев : AirLand, 1997 ; Москва : ЗАО «Совершенство», 1997. — С. 157—166.
5. *Asselineau Ch.* Mélanges tirés d'une petite bibliothèque romantique : bibliographie anecdotique et pittoresque des éditions originales des œuvres de Victor Hugo, Alexandre Dumas, Théophile Gautier, Petrus Borel, Alfred de Vigny, Prosper Mérimée, etc. / Ch. Asselineau. — Paris : R. Pincebourde, 1866. — 252 p.
6. *Batteux Ch.* Principes de la littérature / Ch. Batteux. — Genève : Slatkine reprints, 1967. — 563 p.
7. *Blaze H.* Poètes et Romanciers modernes de la France. XLIV. MM. Émile et Antony Deschamps / H. Blaze // *Revue des deux mondes : recueil de la politique, de l'administration et des mœurs.* — Juillet 1841. — Pp. 545—573.
8. *Boutier E.* Funérailles d'Antoni Deschamps / E. Boutier // *Le Rappel.* — 11 novembre 1869. — P. 1.
9. *Chaudon L.-M.* Bibliothèque d'un homme de goût, ou Avis sur le choix des meilleurs livres écrits en notre langue sur tous les genres de sciences et de littérature : 2 vol. Т. 1 / L.-M. Chaudon. — Avignon : J. Blery, 1772. — 336 p.
10. *Chenier A. de.* Ode XI. La jeune captive / A. de Chenier. *Œuvres complètes.* — Paris : Librairie constitutionnelle de Baudouin frères ; Paris : Foulon et compagnie, 1819. — Pp. 216—218.
11. *Claretie J.* La vie à Paris / J. Claretie // *Le Temps.* — 07 octobre 1904. — P. 2.
12. *Darcos X.* Histoire de la littérature française / X. Darcos. — Paris : Hachette, 2013. — 573 p.
13. *France A.* Alfred de Vigny : étude / A. France. — Paris : Bachelin-Deflorenne, 1868. — 185 p.

14. *Foucher P.* Les coulisses du passé / P. Foucher. — Paris : E. Dentu, 1873. — 500 p.
15. *Gilbert N.-J.-L.* Ode IX imitée de plusieurs psaumes / N.-J.-L. Gilbert // Poésies diverses de Gilbert. — Paris : A. Quantin, 1882. — P. 96.
16. *Girard H.* Émile Deschamps 1791—1871 : bourgeois dilettante à l'époque romantique / H. Girard. — Paris : E. Champion, 1921. — 638 p.
17. *Gregh F.* Antony Deschamps : L'homme et l'œuvre / F. Gregh // Les Nouvelles littéraires, artistiques et scientifiques. 18 février 1933. — P. 8.
18. *Humbert J.* Coup d'oeil sur les poètes élégiaques français depuis le seizième siècle jusqu'à nos jours / J. Humbert. — Paris : Delaunay, 1819. — 72 p.
19. *La Croix A.* Phérotée de. L'art de la poésie française, ou La Metode de connoitre et de faire toute sorte de vers / A. Phérotée de La Croix. — Lyon : T. Amaury, 1675. — 133 p.
20. *Lamartine A. de.* Première préface des Méditations / A. de Lamartine // Méditations poétiques : 2 vol. T. 2. — Paris : Hachette, 1922. — Pp. 347—374.
21. *La traversée des theses* / Alexandre D. Collot M. Guérin J. Murat M. — Paris : Presses Sorbonne nouvelle, 2004. — 256 p.
22. *Marsan J.* Notes sur Antoni Deschamps / J. Marsan // Mémoires de l'Académie des sciences, inscriptions et belles-lettres de Toulouse. — Toulouse : l'Académie des sciences, inscriptions et belles-lettres, 1909. — Pp. 65—83.
23. *Mauzin J.* La maison du docteur Blanche à Montmartre rue de Norvins, 22 / J. Mauzin // Le vieux Montmartre: rapport sur les travaux de la Société d'histoire et d'archéologie du XVIIIe arrondissement. — Paris : Imprimerie de la Société de typographie, 1887. — Pp. 18—25.
24. *Mirecourt E. de.* Émile Deschamps / E. de Mirecourt. — Paris : G. Havard, 1859. — 89 p.
25. *Ramond de Carbonnières L.* Mes âges / L. Ramond de Carbonnières // Élégies. — Yverdon: L'impr. de la Société littéraire et typographique, 1778. — Pp. 26—28.
26. *Rod E.* Un poète oublié : Antony Deschamps / E. Rod // La Semaine littéraire. — 17 novembre 1894. — Pp. 1—2.
27. *Sabatier R.* Histoire de la poésie française. Vol. 5.1 : La Poésie du XIXe siècle : Les Romantismes / R. Sabatier. — Paris : A. Michel, 1976. — 537 p.
28. *Sanguin de Saint-Pavin D.* Recueil complet des poésies / D. Sanguin de Saint-Pavin. — Paris : J. Techener ; Paris : Paulin, 1861. — 131 p.
29. *Vigny A. de.* Stello ou Les diables bleus : première consultation / A. de Vigny // Stello ou Les diables bleus: première consultation ; Chatterton. — Paris : C. Gosselin ; Paris : E. Renduel, 1832. — Pp. 3—434.

ANTONY DESCHAMPS — ELEGIAC POET IN THE CONTEXT OF NATIONAL POETRY

© Vitaliy I. Pinkovsky (2019), orcid.org/0000-0002-8699-3570, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Philology and Journalism, North-Eastern State University (Magadan, Russia), alennart@mail.ru.

The question of the place occupied in the history of French poetry by Anthony Deschamps (Antony Deschamps, 1800–1869), a romantic poet almost forgotten already at the end of the 19th century, is examined. Concerning this question, the author of the article turns to the elegy genre leading in the work of Deschamps and in romantic lyrics as a whole – establishing the importance of the poet in the context of the history of the French elegy. The relevance of this approach is determined by the fact that insufficient attention is paid to the genre aspect of literary history in French literature

of the twentieth and early twenty-first centuries, which affects the full understanding of the significance of those writers whose merits are related to the genre sphere. Since the factor of personal (rather than a priori given genre) lyricism is very important in the romantic elegy, the article pays great attention to the character of A. Deschan, the opinion of his contemporaries. An analysis of Deschan elegy, comparing them with historically preceding examples of the genre, allows us to conclude that Deschan, unlike poets of the 18th – early 19th centuries, did not create a stable elegiac model similar to, for example, the Lamartinian elegy, but on the contrary, brought romantic principle of creative freedom to life. Largely thanks to such authors, not too remarkable, avoiding high-profile declarations and radical acts, important work was done to turn poetry, strictly regulated by genre norms, into modern lyrics, with its many forms that meet the needs of a flexible embodiment of diverse individual feelings.

Keywords: Anthony Deschamps; French poetry; cemetery elegy; erotic elegy; a heroid; national elegy; Lamartin's elegy; "Free" elegy; personal poetry.

MATERAI RESOURCES

- Deschamps, É. (15 mai 1835). Troisième lettre sur la musique. In: *Le Mercure de France*. 56—59. (In Fren.).
- Deschamps, A. (1837). Élégie III. Sonnet. In: *Poésies d'Antony Deschamps, traduction de Dante Alighieri. Les Dernières paroles*. Bruxelles: E. Laurent. (In Fren.).
- Deschamps, A. (1837). Élégie XIX. In: *Poésies d'Antony Deschamps, traduction de Dante Alighieri. Les Dernières paroles*. Bruxelles: E. Laurent. 287—288. (In Fren.).
- Deschamps, A. (1837). Élégie XXII. In: *Poésies d'Antony Deschamps, traduction de Dante Alighieri. Les Dernières paroles*. Bruxelles: E. Laurent. (In Fren.).
- Deschamps, A. (1837). Élégie XXIV. In: *Poésies d'Antony Deschamps, traduction de Dante Alighieri. Les Dernières paroles*. Bruxelles: E. Laurent. 291—293. (In Fren.).
- Deschamps, A. (1839). A.M. Alphonse Pépin. In: *Résignation, poésies*. Paris: Crapelet. (In Fren.).
- Deschamps, A. (1839). A.M. Ronna. In: *Résignation, poésies*. Paris: Crapelet. (In Fren.).
- Deschamps, A. (1839). Camoëns, Camoëns, illustre Portugais! In: *Résignation, poésies*. Paris: Crapelet. 73—74. (In Fren.).
- Deschamps, A. (1839). Souvenez-vous du roi David, ô mon Seigneur ... In: *Résignation, poésies*. Paris: Crapelet. (In Fren.).

REFERENES

- Alexandre, D., Collot, M., Guérin, J., Murat, M. (2004). *La traversée des theses*. Paris: Presses Sorbonne nouvelle. (In Fren.).
- Aristotel'. (1989). Ob iskusstve poezii. In: *Antichnaya literatura. Gretsya. Antologiya*, 2. Moskva: Vysshaya shkola. 347—364. (In Russ.).
- Asselineau, Ch. (1866). *Mélanges tirés d'une petite bibliothèque romantique: bibliographie anecdotique et pittoresque des éditions originales des œuvres de Victor Hugo, Alexandre Dumas, Théophile Gautier, Petrus Borel, Alfred de Vigny, Prosper Mérimée, etc.* Paris: R. Pincebourde. (In Fren.).
- Batteux, Ch. (1967). *Principes de la littérature*. Genève: Slatkine reprints. (In Fren.).
- Blaze, H. (Juillet 1841). Poètes et Romanciers modernes de la France. XLIV. MM. Émile et Antony Deschamps. In: *Revue des deux mondes: recueil de la politique, de l'administration et des mœurs*. 545—573. (In Fren.).
- Boutier, E. (11 novembre 1869). *Funérailles d'Antoni Deschamps*. Le Rappel. (In Fren.).
- Chaudon, L.-M. (1772). *Bibliothèque d'un homme de goût, ou Avis sur le choix des meilleurs livres écrits en notre langue sur tous les genres de sciences et de littérature: 2 vol., 1. Avignon: J. Blery*. (In Fren.).

- Chenier, de A. (1819). *Ode XI. La jeune captive*. Paris: Librairie constitutionnelle de Baudouin frères; Paris: Foulon et compagnie. 216—218. (In Fren.).
- Claretie, J. (07 octobre 1904). *La vie à Paris*. Le Temps. (In Fren.).
- Darcos, X. (2013). *Histoire de la littérature française*. Paris: Hachette. (In Fren.).
- Eliot, T. S. (1997). Traditsiya i individualnyy talent. In: *Naznacheniyе poezii*. Kiyev: AirLand, 1997; Moskva: ZAO «Sovershenstvo». 157—166. (In Russ.).
- Foucher, P. (1873). *Les coulisses du passé*. Paris: E. Dentu. (In Fren.).
- France, A. (1868). *Alfred de Vigny: étude*. Paris: Bachelin-Deflorenne. (In Fren.).
- Gilbert, N.-J.-L. (1882). Ode IX imitée de plusieurs psaumes. In: *Poésies diverses de Gilbert*. Paris: A. Quantin. (In Fren.).
- Girard, H. (1921). *Émile Deschamps 1791—1871: bourgeois dilettante à l'époque romantique*. Paris: E. Champion. (In Fren.).
- Gregh, F. (18 février 1933). Antony Deschamps: L'homme et l'œuvre. In: *Les Nouvelles littéraires, artistiques et scientifiques*. (In Fren.).
- Humbert, J. (1819). *Coup d'oeil sur les poètes élégiaques françois depuis le seizième siècle jusqu'à nos jours*. Paris: Delaunay. (In Fren.).
- Istoriya vseмирnoy literatury: 9 t., 6. (1989). Moskva: Nauka. (In Russ.).
- La Croix, A. Phérotée de. (1675). *L'art de la poésie française, ou La Metode de connoitre et de faire toute sorte de vers*. Lyon: T. Amaulry. (In Fren.).
- Lamartine, A. de. (1922). Première préface des Méditations. In: *Méditations poétiques: 2 vol., 2*. Paris: Hachette. 347—374. (In Fren.).
- Marsan, J. (1909). Notes sur Antoni Deschamps. In: *Mémoires de l'Académie des sciences, inscriptions et belles-lettres de Toulouse*. Toulouse: l'Académie des sciences, inscriptions et belles-lettres. 65—83. (In Fren.).
- Mauzin, J. (1887). La maison du docteur Blanche à Montmartre rue de Norvins, 22. In: *Le vieux Montmartre: rapport sur les travaux de la Société d'histoire et d'archéologie du XVIIIe arrondissement*. Paris: Imprimerie de la Société de typographie. 18—25. (In Fren.).
- Mirecourt, E. de. (1859). *Émile Deschamps*. Paris: G. Havard. (In Fren.).
- Ramond de Carbonnières L. (1778). Mes âges. In: *Élégies*. Yverdon: L'impr. de la Société littéraire et typographique. 26—28. (In Fren.).
- Rod, E. (17 novembre 1894). Un poète oublié: Antony Deschamps. La Semaine littéraire. 1—2.
- Sabatier, R. (1976). *Histoire de la poésie française, 5.1: La Poésie du XIXe siècle: Les Romanismes*. Paris: A. Michel. (In Fren.).
- Sanguin de Saint-Pavin, D. (1861). *Recueil complet des poésies*. Paris: J. Techener; Paris: Paulin. (In Fren.).
- Vigny, A. de. (1832). Stello ou Les diables bleus: première consultation. In: *Stello ou Les diables bleus: première consultation; Chatterton*. Paris: C. Gosselin; Paris: E. Ren-
dual. 3—434. (In Fren.).
- Vyazemskiy, P. A. (1879). O Lamartine i sovremennoy frantsuzskoy poezii. In: *Polnoye sobraniye sochineniy: 1—12, 2*. Sankt-Peterburg: Izd-vo S. D. Sheremeteva. 133—138. (In Russ.).